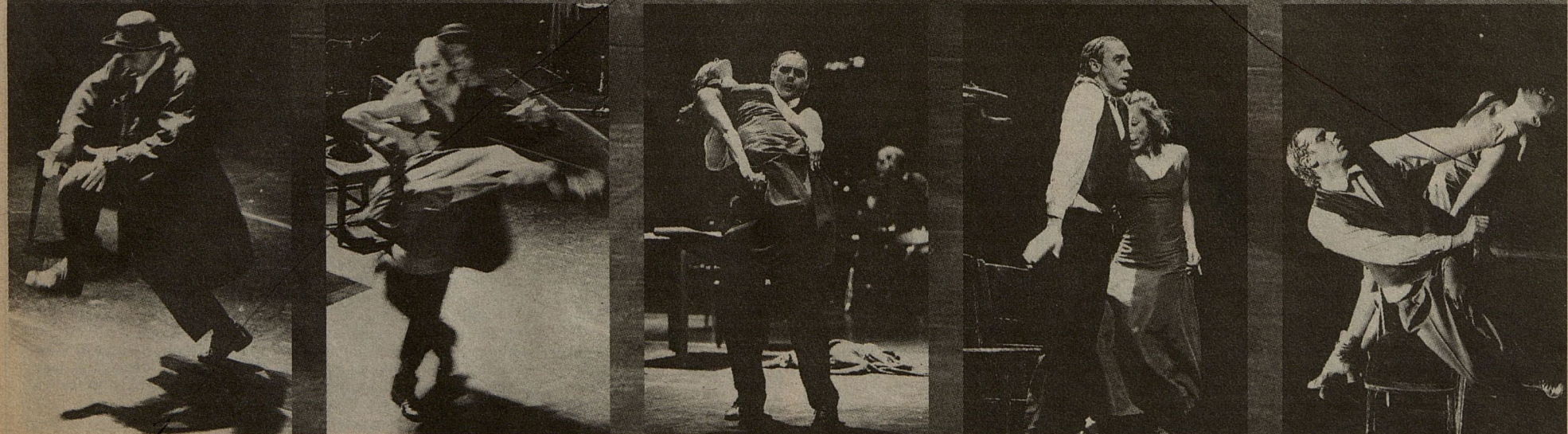

Фото Л.СОМЛОСИ

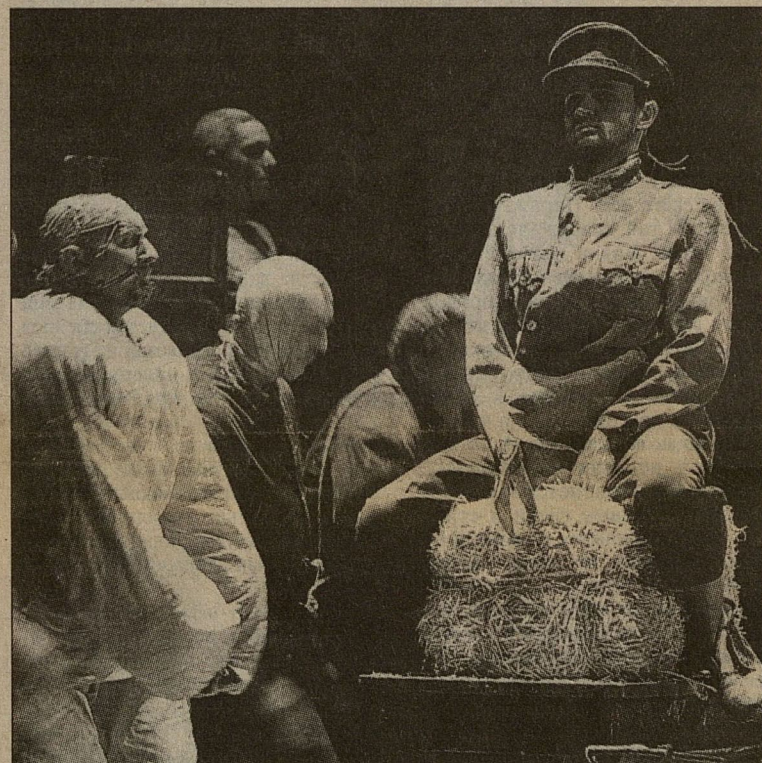

СНЫ Жозефа Наджа

Жозеф Надж
(хорошо забытый)

(11.1.03)
(9444)

В ритуал проводов уходящего года входит подведение итогов, вручение премий. В уютной, непринужденной обстановке в Сinem зале СТД России на Страстном Александр Калягин награждал дипломами и специальными знаками московские театры, показавшие лучшие (по определению экспертного совета) спектакли сезона. "Гвоздем" сезона был признан "Облом off" Михаила Угарова ("Центр драматургии и режиссуры" п/р А.Казанцева и М.Рощина).

Национальная театральная премия "Золотая Маска", которая подведет итоги прошлого сезона весной будущего года в Петербурге, успела сообщить название-победитель из числа постановок гостей-гастролирующих. В декабре определился лучший зарубежный спектакль, и решение критиков, голосовавших в этой номинации, никого не удивило. Конкурентов не нашлось: снова победил французский хореограф Жозеф Надж, на этот раз с постановкой "Войцек" Георга Бюхнера.

Возвращение сновидца Наджа в Москву — заслуга организаторов другого театрального фестиваля "Новый Европейский Театр". То, что Надж представлял театр европейский — несомненно, но вот новый ли? Постановки Наджа — это своеобразный театральный феномен, иначе не объяснить, почему давний его спектакль "Войцек" признан лучшим в чужой стране, но-

вейшим из новых. Надж дружен со временем, он играет с ним. Надж — как хорошая книга, его спектакли не старятся.

"Войцек" и "Время отступления", показанные на НЕТе, — две точки на карте наджевского путешествия во времени. "Войцек" стоит ближе к началу, "Отступление" — к нашим дням. Название последнего — ребус, поворачивай его и так и эдак: на сцене снова мужчина и женщина, снова игра, снова без слов. Жозеф Надж и Сесиль Тьеблемон, то вместе, то врозь, разворачивают такую битву, что страшно и больно глядеть. А потом смешно. А потом весело. И снова грустно. Потому как узнаешь все, что бы ни происходило между ними: как они делят пространство сцены, пространство жизни, сам воздух, которым дышат.

Художественный феномен Наджа — в абсолютной невозможности назвать жанр любой из его постановок. Однако здесь нет эклектики, нет чересполосицы. Гротеск и нежнейшая лирика, эпичность повествования, музыка и молчание, движение и текст. Если верить Бюффону, стиль есть сам человек. Слово "жанр" неприменимо к Наджу, его постановки — это его собственные сны, воплощенные в театральном пространстве. То есть — он сам.

Вспомнить лучшее зарубежные впечатления года нам традиционно помогут фотографии Владимира ЛУПОВСКОГО.

экран и сцена —